

5) средства ограничения или принуждения: *узда, вожжи, хомут, шоры, кнут* и др.

Названные аспекты характеристики лица, включенного в систему социальных связей, определяют основные контуры семантической структуры метафорической категории «лошадь — человек», выражаясь лексическими средствами ассоциативно-семантического поля ключевого слова *лошадь*. Данная метафорическая категория, благодаря уникальности исходного денотата, организующего данный лексический массив в единое поле, располагает богатым специфическим потенциалом. Исследуемый образ занимает в языковой картине мира особое положение (ср. семантико-ассоциативный потенциал названий других животных: *корова, собака, лиса, волк* и т. д.), представляя собой органическое средство многосторонней характеристики лица в системе широких социальных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
2. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
3. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.

Т. 2.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Е. И. КОРНИЛКОВА
Уральский педуниверситет

ТИПЫ КОНТЕКСТОВ, МОТИВИРУЮЩИХ ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Исследуются контекстные закономерности образования оценочных значений у относительных прилагательных, выделяются варианты семантики, связанные с актуализацией семантических и ассоциативных признаков базового существительного, и вторичные значения, характерные только для определенных групп прилагательных.

Отсубстантивные прилагательные с исходным относительным значением, развивающие вторичные качественные, требуют особого внимания к анализу типов контекстов, необходимых для актуализации и наведения оценочного компонента значения.

Оценочность — один из показателей перехода относительных прилагательных из разряда идентифицирующих в разряд предикатных слов (по терминологии Н. Д. Арутюновой) [1]. Оценочное значение понимается нами только как «положительный» или «отрицательный» знак, приобретаемый словом или проявляющийся в слове в некоторых контекстных условиях.

Оценочность слова может быть верифицирована путем наложения «модальной рамки» оценки («Это хорошо / плохо, что Р») или путем трансформации фразы в собственно оценочное суждение. Пример такой трансформации дает Е. М. Вольф: «Спокойные (и это хорошо) места, в которых раньше совершались ужасные (и это плохо) события» [2, с. 8]. Основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаками «хорошо / плохо». Оценка понимается нами как «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией субъекта оценки и обозначаемой реалией (точнее, каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, утилитарному и т. д.) в соответствии со стандартом, существующим в некоторой картине мира» [3, с. 23].

При анализе типов контекстов, в которых реализуются оценочные значения у относительных прилагательных (ОП), мы исходили из предположения о том, что данная группа прилагательных неоднородна с точки зрения силы и слабости проявления оценочного смысла слова и речи. В зависимости от этого требуется определенный контекст, объем и качественные характеристики которого рассматриваются в статье.

ОП (в большинстве своем синтаксические дериваты) способны заимствовать оценочность у производящего существительного. Оценочность существительного может быть потенциальной или находиться на периферии его лексического значения, например у существительного *казарма* в качестве оттенка значения в словаре следующее толкование: «некрасивое, унылое, построенное по шаблону здание» (дано с пометой «неодобр.»). ОП *казарменный* в сочетании с существительными *дух*, *быт* реализует оценочную сему, которая у существительного *казарма* находится на периферии. Аналогично: *тюремная мораль*, *подвальная жизнь*. Отмечено, что оценочный смысл появляется у данной группы ОП в сочетании с существительными абстрактной семантики.

Минимальный контекст (определяемое слово) для проявления оценочности ОП достаточен и в том случае, когда у существительного оценка входит в денотативный компонент значения. По закону семантического согласования аналогичная оценка находится в значении ОП: *венозные сплетни* (Л. Ванеева), *книжное дрянцо* (А. Белый).

Говорить о наведении и актуализации оценочности у ОП целесообразнее в контексте большем, чем словосочетание, так как в высказывании в целом есть больше возможностей для поддержания или наведения оценки. Вне высказывания затемнена оценочность прилагательного в сочетании *казарменный быт*. Ср.: *Шла уборка, и не уборка, прямо сказать, штурм казарменного черного быта* (В. Астафьев). Интенсификации оценки служит позиция прилагательного в синонимиче-

ском ряду с собственно оценочным прилагательным *черный*. Кроме того, в слове *уборка* есть сема «грязь», которая вызывает отрицательные коннотации, влияющие на усиление яркости оценочности ОП.

Иногда интенсификация оценки приводит к обратному результату, когда избыточность оценки изменяет эмоциональный компонент. Это несовпадение оценочности и эмоциональности слова (энантиосемия) — средство создания иронического смысла в высказывании: *Прошли мимо нас окна международного, нейлонного, медного, бархатно-кожаного, ароматного* (В. Аксенов); *Конечно, конечно,— пробормотал Дрожжин и стал с усилием глотать пахучий, сифонный, сифонно-водородный, сифонно-винегретно-котлетно-хлебный, культурный, освежающе-обурающий напиток* (В. Аксенов). Во втором примере, на наш взгляд, столкновение во фразе прилагательных, несущих противоположные по знаку коннотации, делает суммарную оценку минусовой, что проецируется на ОП в однородном ряду. Аналогично: *Вижу: бронзовый генералиссимус шутовскую ведет процессию* (А. Галич). ОП в данном контексте приобретает отрицательный смысл, что противоречит традиционной оценочной коннотации слова. Собственно оценочное прилагательное *шутовской* определяет оценочность ОП во фразе. Кроме того, на уровне словосочетания (*бронзовый генералиссимус*) можно отметить семантическое рассогласование эмоции и оценки, когда избыточность плюсовой оценочности дает эмоциональный минус (иронический смысл). В лингвистической литературе отмечалось, что «энантиосемия с минусовой характеристикой, т. е. изменением положительной коннотации на отрицательную, является более распространенной, чем энантиосемия с плюсовой характеристикой» [4, с. 71].

Оценочность ОП актуализируется за счет введения слова в ситуацию противопоставления: *Непривычные мы к бумажной работе, нам вилы, лопаты да коня бы* (В. Астафьев). *Но ненависть пока книжная, еще по сердцам не прошедшая* (В. Астафьев). Хотя в высказываниях нет слов, несущих противоположную оценочность, ситуация противопоставления налицо. Ее можно выявить с большей наглядностью, построив оппозиции словосочетаний с контрастной оценочностью и трансформировав их в собственно оценочные суждения с обозначением субъекта оценки: *ненависть книжная* (плохо с точки зрения солдата) — *ненависть, прошедшая по сердцам* (хорошо с точки зрения солдата); *бумажная работа* (плохо для крестьянина) — *работа вилами, лопатами* (хорошо для крестьянина). Основания для оценки достаточно ясны, хотя их можно было бы ввести в оценочные суждения, тогда знак оценки будет выявлен с еще большей точностью. Например, *бумажная работа* (т. е. интеллектуальная) для жизни крестьянина не так важна, как *работа вилами и лопатами* (т. е. физическая) и т. д.

Яркость оценки за счет включения в высказывание контрастного смысла несомненно возрастает. Это происходит, вероятно, потому, что абсолютная оценка появиться в значении ОП практически не может. Абсолютная оценка всегда предполагает имплицитное сравнение. Если оценочная сема осознается со знаком «плюс», это означает, что есть семы в лексическом окружении ОП со знаком «минус». Например: *Продащица, что ли, виновата, что колбасу продает стеклянную, оловянную, деревянную, но не мясную* (И. Полянская). В данном контексте наблюдается процесс моносемизации ОП, когда благодаря окказиональному употреблению на первый план выходит оценочный компонент значения, все остальные семы затемнены. На наш взгляд, в этом примере окказиональная оценочная синонимия и антонимия ОП — это случаи включения контекста более широкого, чем фраза и даже текст в актуализацию смысла слова. Контекст, необходимый для выявления оценочности ОП, равен объему национальных культурных знаний. Орфографическое правило, известное любому школьнику, оправдывает включение ОП *стеклянный, оловянный, деревянный* в синонимический ряд. Оценочность ОП в тавтологическом сочетании *мясная колбаса*, где прилагательное, безусловно, идет со знаком «плюс», понятно только современному носителю русского языка и представителю нынешней социокультуры. Таким образом в синтаксической позиции противопоставления ОП *стеклянный, оловянный, деревянный* приобретает противоположный знак, т. е. отрицательную оценочность.

Иногда традиционные (стереотипные) оценочные коннотации ОП, характерные для данной культуры, противоречат смыслу, приобретаемому словом в высказывании. Так, в обыденном сознании в ситуации сопоставления положительный знак несет прилагательное *каменный* в сочетании с существительным *дом* и отрицательный — *деревянный*. Основание оценки понятно: прочность, удобство для жизни, долговечность и т. д. В. Н. Телля отмечает антропометричность коннотации, т. е. представление о стандартах, эталонах (все это входит в структуру оценки и определяет ее шкалу), детерминированных мировоззрением народа — носителя языка, его культурно-историческим опытом [3]. В высказывании этот стереотип сталкивается с субъективной шкалой автора или героя произведения, в результате чего знак оценки может измениться: *Посносили, посжидали старое деревянное жилье, понастроили неживого, каменного* (А. Иванченко).

Правильное понимание оценочности ОП возможно в иных случаях только при учете контекста целого произведения и даже всего творчества писателя, так как герой или автор — субъекты оценки. Контекст в объеме фразы или целого текста не способен в полной мере мотивировать появление положительной оценочности прилагательного *деревенский* в произведениях

В. Астафьева. Например: *Папа — крестьянский сын, пусть из бурной, непутевой, но деревенской семьи; Исчезли и наши чудные деревенские и лесные поляны, под корень срубаются пригородные леса — буйствует дачная стихия; Папа забыл, но скорее делал вид, что забыл, деревенские законы, среди которых главный — почтение к родным людям.* Кроме положительной оценочности у прилагательного *деревенский* под влиянием контекста творчества В. Астафьева наводятся следующие семы: «имеющий корни», «настоящий», «народный». Это критерии оценки, являющиеся для автора шкалой ценности.

Как было уже отмечено, есть среди ОП такие, оценочность которых мотивирована контекстом в объеме национальной культуры (это не исключает поддержание оценочного смысла слова фразовым окружением). Например: *Был вкус во рту. Этот ужасно длинный вкус пирожка в вокзальном буфете (А. Битов); В Семикачалинске, как и во всяком городе, новые кварталы, состоящие из панельных домов средней этажности толпятся вдали от реки, от удобств рельефа...* (А. Образцов). Вероятно, нам как носителям русского языка, живущим в социальной культуре 1980—1990-х гг., достаточно ясен оценочный смысл ОП *панельный* (дом) и вне фразы, так же как и ОП *вокзальный* (буфет), т. е. для нас контекст достаточен в объеме словосочетания. Можно привести еще примеры ОП с ярко выраженной оценочностью: *бумажные* (деньги); *деревянный* (рубель). Читателю, не входящему в данную социокультуру, необходим контекст в объеме картины мира для адекватного понимания оценки. Это максимальный по объему контекст, на который проецируется значение ОП. Он отличается тем, что его качественные характеристики не остаются неизменными. Иными словами, шкала оценки постоянно меняется.

Проанализированные особенности наведения и актуализации оценочного смысла у ОП, переходящих в разряд предикатных слов, зависят прежде всего от их семантики. Исходя из возможностей производящего существительного ОП требует различные по объему и качественным характеристикам контексты, чтобы реализовать оценочность (минимальный — для слов типа *подвальный, казарменный*, максимальный — для ОП *вокзальный*). В то же время контекст, реализующий оценочность ОП, в значительной степени определяется воспринимающим сознанием. Оценочность слова *панельный*, понятная для современного русскоязычного читателя в минимальном контексте, будет требовать поддержания максимальным контекстом в объеме знаний о русской социокультуре для человека, не входящего в эту культуру. Таким образом, можно говорить о различных основаниях для выделения типов контекстов, поддерживающих или наводящих оценочный смысл у ОП: во-первых, семантика производящего существительного, во-вторых, характеристика адресата речи. Безусловно, этот ряд можно продолжить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
4. Смоленская С. С., Давыдов М. В. Интонация как показатель энантиосемии слов и словосочетаний // Вестник МГУ. М., 1972 (Сер. Филология; № 3).

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. В. БАГИЧЕВА
Уральский педуниверситет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Определяются модели, по которым образуются вторичные типовые значения русских терминов родства, выделяются типовые компоненты семантики, лежащие в основе указанных моделей, и лексические единицы, приобретающие соответствующие значения.

В современной семасиологии прочно утвердилось разграничение двух типов варьирования семантики слова — речевого варьирования и полисемии [4; 5; 9; 12; 14; и др.]. При полисемии слово обладает несколькими значениями, каждое из которых характеризуется особой понятийной и денотативной соотношенностью, а следовательно, различным набором семантических признаков и специфическими синтагматическими связями. Указанные значения могут иметь социально осознанный языковой статус или относиться к числу индивидуально-авторских, существующих только в конкретных коммуникативных условиях.

Полисемия порождает сложную и многоаспектную проблему смысловой структуры слова, под которой подразумевают не простую совокупность значений и употреблений слова, а некоторую «систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [11]. Иначе говоря, элементы смысловой структуры слова связаны друг с другом сложными иерархическими отношениями [1; 6; 8].

Описание лексико-семантического варьирования русских терминов родства требует предварительного обращения к проблемам структуры лексического значения, поскольку только правильно представив особенности значения того или иного термина родства, можно адекватно описать его модификации в языке и речи, выяснить потенциальные способности его употребления.

В основе традиционной теории компонентного анализа лежит представление о лексическом значении как о комплексе семан-